

Сергей Курган
Бабочка в коконе

Роман

Сергей Курган

Бабочка в коконе. Роман

«Издательские решения»

Курган С.

Бабочка в коконе. Роман / С. Курган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859157-0

Мистический триллер. Случайное знакомство на автобусной остановке. Любовь с первого взгляда. Страстный роман. Но с самого начала что-то идет не так и возникают вопросы. Ответы приходят позже, и они оказываются более чудовищными и невероятными, чем кто-либо мог предполагать...

ISBN 978-5-44-859157-0

© Курган С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1. Городской телефон	6
Глава II. Она приходит только ночью	10
Глава III. Дни становятся короче	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бабочка в коконе

Роман

Сергей Курган

© Сергей Курган, 2017

ISBN 978-5-4485-9157-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Городской телефон

Все началось с телефонного звонка

Я проводил очень бурное, по обыкновению, совещание с сотрудниками редакции, дым стоял коромыслом, гора окурков в пепельницах росла с умопомрачительной быстротой, и мы уже стали переходить на повышенные тона. Наши редакционные совещания, которые все по привычке называли «летучками», хотя они длились иногда по несколько часов, были для меня источником постоянной головной боли. Особенно много хлопот доставлял мне наш шеф отдела происшествий Миша, которого коллеги часто звали Майк, потому что он всегда подчеркивал свою приверженность к американскому стилю работы. Главным образом, он настаивал на том, чтобы мы всякий раз расширяли отдел происшествий, ибо, по его убеждению, именно это «народ читает», или, как предпочитал выражаться кое-кто из сотрудников редакции, «пипл хавает».

В принципе я, конечно, не возражал против того, чтобы отдел происшествий занимал в газете достойное место, коль скоро это была городская вечерняя газета, но превращать ее в чтиво для домохозяек мне все же не хотелось. К тому же Майк имел неисправимую привычку настаивать, чтобы его материал был дан «срочно в номер». Эти слова он всегда произносил с явным удовольствием, смакуя их, как гурман, дегустирующий старое вино. Он всякий раз уверял, что «без этого материала номер будет пустым», и это начинало меня не на шутку раздражать. Вообще-то говоря, я уже давно подумывал, как бы от него избавиться, но Майк действительно был незаменим в газете – это был профессионал и настоящий энтузиаст своего дела, а подобное сочетание встречается в нашей среде не слишком часто.

Вот и на этот раз он с упорством, достойным лучшего применения, твердил о том, что необходимо вставить «срочно в номер», как всегда, очередной его материал, хотя у нас попросту не было для этого места – не могли же мы, в самом деле, снимать рекламу! В то же время, газета наша была не ежедневной, мы выходили только два раза в неделю, и Майк боялся, что нас опередят. Это, конечно, был серьезный аргумент, так как мы держались, и неплохо держались на плаву во многом именно благодаря нашей оперативности, и нам зачастую удавалось опережать солидные ежедневные газеты. Пока они, как слоны, поворачивались, мы, благодаря нашей большей подвижности, уже успевали дать свою публикацию, и немалая заслуга в этом принадлежала Майку.

Он, как обычно, стоя и размахивая в воздухе дымящейся сигаретой, с блеском в глазах отстаивал свой материал. Все возражения тонули в звуках его сильного громогласного голоса. Помимо прочего, он имел очень колоритную внешность – высокий, уже лысеющий, но с большой окладистой бородой, которой он весьма гордился.

Я почувствовал, что голова у меня буквально раскалывается, и попросил тишины:

– Хорошо, достаточно, – сказал я. – Как я понял, речь идет о таинственных призраках на Восточном кладбище. Они бродят там по ночам, вылезая из могил, в которых им почему-то не лежит, так? Все это, конечно, очень мило, но малость заезжено. Нам нужно что-нибудь поновее и пооригинальней.

– Ты меня не понимаешь, – возразил Майк, – это не выдумки, это не я сочинил – это рассказывают люди, которые видели все своими глазами, например, сторож. Сколько раз можно объяснять?! Может, это и не оригинально, но это было на самом деле.

– Ну конечно, – ответил я, – никто в этом и не сомневается. Ведь кладбищенский сторож – это компетентнейший наблюдатель, заслуживающий полного доверия. Интересно, сколько он принял «на грудь» перед тем, как начать свои наблюдения?

Послышались смешки. Майк был задет за живое, глаза его налились злостью, но он сумел удержать себя в руках.

– Зря ты к этому так относишься, – только и сказал он. – Может, этот сторож и не трезвенник, но если б ты сам с ним поговорил, а ещё лучше, если б ты сам туда ходил ночью, то тебе не было бы смешно.

– Майк, – заметил я, – у меня хватает дел и в менее романтических местах. Я не хочу тебя обидеть, мы все тебя очень ценим, но эти заплесневелые кладбищенские ужасы немного набили оскомину.

Майк хотел что-то сказать, но я не дал ему открыть рот – я и так уже порядком от него устал:

– Майк, старик, – продолжал я, – ты сам видишь, что поставить твой материал в номер нет никакой возможности, если не снимать рекламу, а это «святая святых». Я не возражаю против твоего материала в принципе, но его можно подготовить к следующему номеру; я думаю, никто нас не обставит. И потом, почему бы тебе самому не сходить ночью на кладбище и не убедиться во всем своими глазами, а? Может быть, тебе даже удастся взять интервью у этого призрака или как его там? Вот это была бы в самом деле сенсация! А я оставлю тебе место. Скажи, сколько тебе надо? Я могу дать тебе дополнительно две колонки, как обычно, на третьей полосе.

Майк задумчиво закурил Бог знает какую по счету сигарету и, криво улыбнувшись, сказал:

– Ладно, фиг с ним. Будет тебе материал к следующему номеру. А насчет интервью...

Майк погладил свою бороду.

– Короче, хорошо смеется тот, кто смеется последним, – закончил он.

Он сказал это с таким вызовом и с такой убежденностью, что я бы, наверное, расхохотался, если бы у меня были еще на это силы. Но я уже устал и, убедившись, что совещание, наконец, можно считать законченным, вяло бросил:

– Финиш. Все свободны.

Все дружно вскочили со своих мест, разом с шумом отставив стулья, и перебрасываясь репликами, потянулись к выходу из кабинета.

И тогда зазвонил телефон.

У меня на столе два телефона: один, с селектором, связан с приемной, другой – городской. Обычно мне звонят в приемную, и моя секретарша, Леночка, соединяет или не соединяет их со мной, в зависимости от моего желания или нежелания. Прямой же телефон – это,

как я говорю, «тайна мадридского двора», потому что я даю его очень немногим. Впрочем, это скорее секрет Полишинеля, так как, оказывается, он известен всем, кому не лень. Причина такого положения вещей кроется, естественно, в нескромности моих друзей, не умеющих или же не желающих держать язык за зубами.

Моя работа очень напряженная и нервная, а, кроме того, у меня хронически не хватает времени, поэтому я всегда бешусь, когда мне звонят не по делу. Мне неоднократно приходилось объяснять, что я даю этот телефон для особых случаев, и что им нельзя злоупотреблять, но все без толку. В конце концов, я решил, что номер надо поменять, однако сделать это оказалось непросто, так что я стал подумывать о том, чтобы передать его кому-нибудь из сотрудников редакции, а пока я хотел было просто отключать его, но не решился – вдруг кто-нибудь позвонит по действительно срочному делу. И я оставил все, как есть.

И вот теперь звонил именно этот телефон. Кто бы это мог быть? И какого черта? Я колебался, брать ли трубку. Эта «летучка», на которой мне пришлось выдержать бешеную борьбу с Майком, совершенно меня доконала. Телефон продолжал трезвонить. Я с раздражением сорвал трубку с рычага:

– Алло.

– Извини, дружище, что я тебя отрываю от дела, но это важно, – произнес на том конце провода хорошо знакомый мне хрипловатый баритон.

Борис вообще не слишком часто звонил мне, а тут вдруг ни с того, ни с сего, да еще прямо на работу. Хотя мы с Борисом были старыми и близкими друзьями, перезванивались мы довольно редко, причем, как правило, звонил я. Я был удивлен – вероятно, у него действительно что-то срочное.

– Привет, – ответил я, – рад тебя слышать. Признаться, не ожидал. Чему обязан таким редкостным событием?

– Вот что, Вовунчик. Мне надо с тобой посоветоваться.

– О'кей. Валяй. Какой совет ты хочешь получить от меня? О вложении акций? О покупке недвижимости? Или что-нибудь щекотливого свойства?

– Нет, Вовуша, это касается женщины. И это – не телефонный разговор.

Вот оно что. Женщина. Кажется, он опять хочет устроить смотрины. Всех своих женщин, а их у него было немало, он обязательно показывал мне, хотя я никогда не понимал, зачем? Мои советы, положительные или отрицательные суждения, которые я высказывал, никак не влияли на его с ними отношения, по крайней мере, я такого влияния что-то не замечал.

– Понятно, – сказал я. – А что же Таня? Ты с ней уже больше не гуляешь?

– Не иронизируй. С Таней у меня все кончено. И потом, если б ты только видел Наташу.

– Ах, вот как – стало быть, Наташа. Кажется, это уже не первая Наташа, среди тех, что у тебя были. И обо всех ты говорил в восторженных выражениях.

– Это все теперь не имеет значения. Моя Наташа – это какое-то чудо.

– Ну-ну. И ты, конечно, хочешь мне ее показать, не так ли?

– Да, но не только.

Борис замялся.

– То есть? – спросил я. – Что еще?

– Видишь ли, – вновь заговорил он, – мне сначала нужно с тобой поговорить, кое о чем расспросить.

– Расспросить? – изумился я. – О чем? Я что, ее знаю?

– Нет. Думаю, что нет. Дело не в этом. Просто мне нужно с тобой обсудить кое-что. Ты же журналист и вообще эрудит, знаешь кучу всякой белиберды.

Я разозлился. Терпеть не могу, когда мне так говорят.

– Если, по-твоему, это белиберда, то какого черта ты обращаешься ко мне?

– Извини, Вовуша. Я не хотел тебя обидеть. Я вовсе не думаю, что это белиберда, наоборот. Просто так обычно говорят.

– Кто так говорит?

– Ну, – смутился Борис, – просто часто считается, что все эти сведения обычно никогда не бывают нужны в жизни, понимаешь?

– А сейчас, значит, они тебе понадобились? Интересно, для чего? Уж не хочешь ли ты провести над своей – как ее? – Наташей какие-нибудь эксперименты?

– Оставь этот юмор для какого-нибудь другого случая, ладно? Наташа – очень необычный человек, я никак не могу в ней разобраться. Меня интересуют твои соображения.

– Ну, хорошо, – уже успокоившись, согласился я. – Ты хочешь, чтобы я зашел?

– Да. И желательно, сегодня. Если ты, конечно, сможешь.

Сегодня? О Господи! Денек и без того обещает быть нелегким. Но чего не сделаешь ради старого друга?

– Хорошо. Я зайду сегодня. Когда?

– Понимаешь, я хочу, чтобы ты ее увидел после того, как мы поговорим.

– Ну, и...? В чем проблема?

Борис молчал.

– Какие проблемы, черт возьми? – не выдержал я.

– Нет, ничего, – наконец ответил он. – Заходи в семь, сможешь?

– Хорошо. Договорились. Ты что-нибудь хочешь еще сказать, или это все?

– Пока все. Не буду больше тебе мешать. До вечера.

– До вечера.

Борис повесил трубку, я же в задумчивости сидел еще некоторое время, вертя трубку в руках. Что у него там за тайны? Чего он хочет от меня? Похоже, на сей раз – это не просто смотрины. Может, он влюбился на полную катушку? Он явно чего-то не договаривает.

Я закрыл глаза и несколько раз надавил на них пальцами. Это всегда помогает мне, когда я утомлен.

А Бог ты мой, в конце концов, просто какая-то амурная история! Я повесил трубку и переключился на текущие дела.

Глава II. Она приходит только ночью

День действительно оказался для меня нелегким: мне пришлось выдержать несколько деловых встреч, каждая из которых буквально высосала из меня силы. Кроме того, возникли недоразумения с типографией, где печаталась наша газета, и, наконец, какой-то разгневанный читатель требовал опровержения опубликованной у нас информации по совершенно ничтожному поводу – на уровне детской песочницы – речь в заметке шла о благоустройстве дворов. Не сдержавшись, я накричал на Леночку за то, что она пустила этого психа ко мне, после чего она расплакалась, и чтобы ее успокоить, мне пришлось подарить ей набор шоколадных конфет, который я держал, разумеется, для абсолютно иных целей. В 6 часов вечера я закрылся в своем кабинете, и, желая хотя бы немного успокоиться, выпил две рюмки водки, которую всегда держал в своем баре.

Малость придя в себя, я отправился к Борису. К счастью, он жил совсем недалеко от нашего офиса, и мне представилась возможность пройти пешком. Погода была чудесная: ярко светило солнце, в воздухе было разлито удивительное тепло – начало сентября, последние погожие деньки, которыми одаривала нас природа перед долгим и нудным периодом дождей, слякоти и холода. Я шел по городу, наслаждаясь чудным вечером, и постепенно мысли мои отвлеклись от текущих дрызг и приняли иное направление. Я задумался о Борисе.

Мы познакомились с ним давно, еще в институте, хотя и учились на разных факультетах. С тех пор мы постоянно поддерживали отношения и с течением времени тесно сдружились. Борис был очень интересным мужчиной: довольно высокий, черноволосый, с уже пробивающейся сединой, придававшей ему еще больше шарма, с красивым мускулистым телом и слегка смуглой кожей, которая производила эффект ровного устойчивого загара. Женщины всегда вились вокруг него, и он привык к этому, как к чему-то само собой разумеющемуся. Он менял их, по крайней мере, по несколько раз в год. Многих из них я знал, но запомнил лишь некоторых – тех, которыми он был особенно увлечен или тех, что задержались дольше обычного. Черты остальных изгладились из моей памяти. При всем при том, ни одной из них он не был увлечен настолько, чтобы потерять голову. Возможно, поэтому он так и не женился. Должно быть, такая жизнь была ему по душе, но со временем все мы стареем, и нас начинает тянуть к чему-то надежному, постоянному. Потрепанному кораблю нужна спокойная гавань, и мы становимся более сентиментальными, быстрее, и главное, сильнее привязываемся к друзьям, но особенно – к женщинам. Раньше или позже наступает момент, когда беззаботные игрища прекращаются, и мы начинаем осознавать приближение неотвратимого конца. И тогда нам особенно необходимо присутствие рядом человека, с которым можно с радостью разделить оставшуюся часть жизни, отпущенной нам Создателем. Может быть, у Бориса наступил как раз такой момент? Может быть, он влюбился всерьез?

Размышляя обо всем этом, я пересек парк, вошел в подъезд и нажал кнопку вызова лифта. Да, очевидно, он здорово влюблен, и возможно даже, он подумывает жениться и хочет со мной посоветоваться именно об этом. Лифт, как всегда, спускался вниз невыносимо медленно, словно он шел с 30-го этажа. Ожидание всегда выводит меня из терпения, и я почувствовал, что снова начинаю раздражаться. Наконец, дверцы раздвинулись, и я ступил внутрь. Не знаю почему, но поездки в лифте всегда настраивают меня на какой-то меланхолический лад. Так было и теперь – меня стала охватывать необъяснимая щемящая печаль, словно фатальное предчувствие. Перед дверью я попытался выбросить все это из головы и позвонил, как обычно, условным тройным звонком – один длинный и два коротких. Дверь, как всегда, долго не открывали, складывалось впечатление, что хозяин должен сначала подняться из погреба или спуститься с чердака. Я к этому уже привык и, сдерживая раздражение, топтался на площадке. Но вот дверь, наконец, открылась, и я увидел Бориса в его традиционном домашнем

облачении: спортивных трусах и майке. Меня всегда несколько забавляла эта экипировка, но на этот раз он выглядел каким-то озабоченным и даже, пожалуй, встревоженным, так что улыбка сползла с моего лица. Он молча пожал мне руку, жестом показав, что родители отдыхают, и их не надо беспокоить, а затем провел меня в свой заставленный книгами кабинет. После того, как я уселся в кресло, с наслаждением вытянув ноги, он закурил и стал нервно прохаживаться по комнате. Видно было, что он не знает с чего начать. Я ждал. Это длилось, наверное, минут пять или около того, и я не выдержал:

– Ну? Может быть, ты скажешь что-нибудь? С тех пор, как я пришел, ты еще не произнес ни слова. Или ты хотел, чтобы я осмотрел твой кабинет? Кажется, ты говорил, что хочешь меня о чем-то расспросить? Ну, так спрашивай. У меня сегодня был очень нелегкий день, и я надеюсь, ты пригласил меня не для того, чтобы помолчать вместе. В чем все-таки дело?

Борис резким движением уселся в кресло и закурил новую сигарету.

– Извини, – сказал он, – я просто не знаю, как начать.

– Расскажи, где и как ты с ней познакомился, как давно? Как развиваются ваши отношения, и что тебя беспокоит, потому что я вижу, что тебя что-то беспокоит. Но начни с самого основного. Просто введи меня в курс дела.

– Да, конечно. Познакомился я с ней два месяца тому назад, на улице, возле Ботанического сада, на авобусной остановке. Она стояла одна и выглядела такой потерянной. Озиралась по сторонам в какой-то тоске. Ну, я подошел, заговорил.

– Как она отреагировала?

– В том-то и дело, что как-то странно. Она как будто испугалась.

– Кого? Тебя?

– Ну да, наверное. Она была ужасно бледная, а в глазах страх.

– Вот как? И что дальше?

– Я завел с ней разговор.

– О чем?

– Сейчас уже точно не помню. О какой-то ерунде – так, ничего серьезного. Она постепенно успокоилась, растаяла.

– Растаяла?

– Да, у меня возникло такое ощущение. Ну, а потом я предложил ей прогуляться по Ботаническому саду.

– Она, конечно, согласилась?

– Да, хотя уже было поздно – начало двенадцатого.

– В двенадцатом часу? С человеком, которого она видела в первый раз? Извини, но, по моему, это не слишком лестно ее характеризует. Неужели это тебя не насторожило? Или это тебе уже все равно?

– Я понимаю тебя. Но ее надо было видеть. Она была совсем не похожа на...

– На уличную потаскушку, – подсказал я.

Борис передернулся.

– Не говори так, хорошо?

– Ладно. Я понял. Ты влюбился в нее с первого взгляда.

– Да, пожалуй.

– И что же, вы просто разгуливали по Ботаническому саду? В двенадцатом часу ночи? Но погоди, ведь он в такое время закрыт, или нет?

- Закрыт, но туда можно попасть.
- Вот как? Любопытно, каким образом? Перелезть через забор?
- Это не имеет значения. Почему ты задаешь такие идиотские вопросы?
- Я не нахожу их идиотскими.
- Извини...
- Подожди, – перебил я, – не в этом дело. Ты хотел, чтобы я помог тебе разобраться в твоей новой подружке, верно?
- Это не подружка...
- Ну, хорошо, – снова перебил я, – пускай не подружка, скажем, женщина, которую ты любишь, так?
- Да.
- Прекрасно. Так вот, ты хочешь, чтобы я помог тебе в ней разобраться, потому что, как ты говоришь, она странный человек.
- Я сказал «необычный».
- Ну ладно, пусть необычный. Короче, ты хочешь, чтобы я помог тебе ее разгадать, не так ли? Вот я и пытаюсь это сделать. И должен признаться, мне действительно кажется странным, что она согласилась пойти на ночь глядя с незнакомым человеком гулять по Ботаническому саду. Согласись, что это странно, если, как ты говоришь, она не похожа на потаскушку.
- Послушай, я же тебя просил!
- Вот что, Борис. Если ты хочешь, чтобы я тебе помог, дай мне возможность действительно объективно разобраться, а иначе, зачем ты меня пригласил? Вот я и хочу разобраться. Я понимаю, что ты в нее влюблен, и тебе неприятно, когда о ней говорят, хотя бы в предположительном плане, что-либо подобное. Ну и люби ее на здоровье. Разве я против? Разве я тебе чем – то мешаю? И решай свои личные проблемы сам. Но ведь ты обратился ко мне. Значит, ты хочешь, чтобы я, так или иначе, вмешался во все это. Ведь тебя самого что-то беспокоит, тебе самому что-то кажется необычным, разве не так?

Борис молча курил.

- А раз так, – продолжал я, – то я предпочитаю называть вещи своими именами. Я вовсе не говорил, что она... ну хорошо, я не буду произносить этого слова. Но согласись, в таком случае очень странно, что она так быстро и легко согласилась пойти с тобой, да еще в такое позднее время. Поэтому я и задаю свои вопросы. Я хочу понять.
- Ладно, – ответил Борис, – никакого секрета в этом нет – там есть место, где часть решетки выломана, и можно без труда попасть внутрь.
- Ну, допустим. Но почему ты не пригласил ее к себе? Или, ты думаешь, она бы не согласилась?
- Я же говорил тебе, что она была совсем не похожа на такую девушку, которая могла бы вот так, запросто...
- Хорошо. И что вы делали там, в Ботаническом саду?
- Представь себе, ничего особенного. Гуляли, разговаривали.
- На какие темы?
- На всякие. Но...
- Но что?
- Все-таки страх в ее глазах исчез не до конца. Я попытался расспросить ее, чего она боится, но она не захотела об этом говорить и даже чуть было не ушла. Больше я эту тему не затрагивал. И еще, она вела себя как-то неуверенно, задавала странные вопросы, точно приехала откуда-то издалека или долго отсутствовала.
- Например?

– Ну, например, она спросила, какое сегодня число.
– Но в этом нет ничего странного. Все мы не всегда это помним. Для того и существуют календари.

– Да, конечно. Но это еще не все. Она спросила, как давно я окончил институт.

– Ну и что?

– Я ответил, что десять лет назад. И тогда она уточнила: то есть в 83 году?

– Да, но ведь это одиннадцать лет назад.

– Вот именно. Я удивился, и она сразу же поправилась.

– Ну, а сама она? Где она училась, сколько ей лет?

– Она закончила университет в 83—ем. А родилась, как она говорит, в 61-ом.

– Значит, ей 32?

– То-то и оно, что она как-то сказала, что ей 31.

– В самом деле, любопытно. Может быть, у нее была амнезия, потеря памяти, хотя бы частичная? Может, она чем-то больна? Впрочем, это необязательно. У женщин такие ошибки в указании возраста – не редкость. К тому же, ей, может быть, просто еще не исполнилось 32, если предположить, что она родилась, например, осенью или в декабре. Хотя, конечно, кто знает?..

– Ты хочешь сказать, что у нее, возможно, не все в порядке с головой?

– Да нет, я вовсе...

– Ладно, – перебил меня Борис. – Я и сам было так подумал, но потом убедился, что с головой у нее все нормально. Да и оговорилась она всего один раз – тогда, в самый первый. И вообще, она со временем как-то успокаивается и становится все более уверенной в себе.

– Может быть, это под твоим влиянием?

– Может быть. Но сам я наоборот – чувствую себя в последнее время как-то не в своей тарелке. У меня какая-то слабость, быстрая утомляемость, все время засыпаю на ходу.

– Ты был у врача?

– Да, я обследовался довольно обстоятельно.

– И что?

– Да ничего. Как будто, все в норме. Говорят, может, я переутомлен. Хотя я вроде не переутомляюсь.

– Может быть, твоя любовь отнимает у тебя столько сил...

Борис как-то странно посмотрел на меня.

– Да, возможно. Я так люблю ее.

Он встал и закурил еще одну сигарету.

– По-моему, ты стал больше курить, – заметил я, – сколько ты выкуриваешь в день?

Борис только махнул рукой.

– А, неважно. Это все чепуха.

– А что не чепуха? – спросил я.

– Понимаешь, мне кажется, как будто меня становится все меньше.

– Не понял.

– Да, это трудно объяснить, а может, и вовсе невозможно. Короче, мне кажется, что я как бы сокращаюсь, убываю, понимаешь?

– Нет, не понимаю.

- У меня такое впечатление, словно я утрачиваю свои типичные черты, забываю себя.
- Ты хочешь сказать, что ты как будто растворяешься в Наташе? Такое бывает.
- Как ты сказал? Растворяюсь? Не знаю, возможно.
- Именно это тебя и беспокоит?
- Нет, не только это. Ты знаешь, мы уже почти два месяца живем с ней, она проводит у меня почти каждую ночь.
- Когда это началось?
- На следующий же день после нашей первой встречи. Вернее, на следующую ночь.
- Ночь?
- Ну да. Она всякий раз приходит только ночью.
- Вероятно, до этого она занята.
- Но ведь должны же у нее быть какие-нибудь выходные. И потом, неужели она всякий раз освобождается так поздно? Кстати, я так до сих пор и не знаю, чем она занимается.
- Кто она по образованию?
- Она говорит, что филолог, и это все, что я смог от нее добиться.
- Значит, она не хочет, чтобы ты об этом знал.
- Вот именно. Почему бы ей не сказать мне? Ведь я так люблю ее.
- Мало ли какие могут быть причины. К тому же, вы знакомы всего два месяца, а это очень небольшой срок.
- Для меня это – как целая жизнь.
- Я вижу, ты влюбился не на шутку.

Я встал и подошел к окну.

- Тебя что-нибудь еще беспокоит? – спросил я.
- Ты понимаешь, мало того, что она приходит только поздно ночью, так еще и уходит в такую рань.
- Как поздно она приходит?
- Поначалу она приходила часов в одиннадцать, не раньше, а теперь в десятом часу. Причем, она всегда приезжает сама, не хочет, чтобы мы встречались в городе.
- А уходит?
- Уходит она очень рано – или, вернее, поздно. Сразу и не разберешь, как лучше сказать.
- Мне не совсем понятно. Объясни толком.
- В начале она приходила совсем ненадолго, на пару часов. Придет в одиннадцать, а в час уже уходит.
- В час? – изумился я, – но ведь транспорт уже не работает.
- Конечно. Поэтому я вызывал ей такси.
- Но ты же, наверное, разорился на этом.
- Мне на это наплевать. Что деньги? Я, слава Богу, не нищий. Но я, естественно, хотел, чтобы она оставалась до утра.
- Чем она объясняла это?
- Ничем. Когда я попытался это выяснить, она страшно разозлилась и пригрозила, что вообще больше не придет.
- Даже так? Стало быть, у нее есть для этого серьезные основания. Может, она должна возвращаться домой?
- Не знаю. Она взрослая и незамужняя.
- Ну, это она так говорит. Да и вообще, мало ли что бывает.
- Мало ли что! Вот я и хочу тебя спросить, что это такое может быть?

– Надо подумать. Мне нужна еще информация. Ты, помниться, сказал, что в начале она бывала очень недолго. А теперь?

– Постепенно она стала приходить все раньше, а уходить все позже, но все равно рано.

– Вчера она была у тебя?

– Да.

– Когда она пришла и когда ушла?

– А что, по-твоему, это может иметь значение?

– Возможно.

– Пришла она в девять, а ушла в пять с минутами.

– В пять утра?!

– Да, представь себе.

– Опять такси?

– Нет. Она сказала, что доберется сама.

– Очень странно. Это в самом деле очень странно. Похоже, она занимается чем-то таким, что не поощряется законом.

– Ты так думаешь?

– Это очень может быть.

Борис задумался.

– И ты ни разу не попытался ее проводить? – продолжал я.

– Один раз я попробовал, с месяц назад. Еле уломал ее позволить мне проехать с ней на такси. Я хотел узнать, где она живет.

– И куда вы поехали?

– В район Летней. Когда она остановила машину и вышла, я вышел за ней. Естественно, мне хотелось проводить ее до подъезда, но она отказалась, а когда я попробовал пойти следом, ужасно вызверилась. Я остановился, а она бегом побежала в сторону шоссе.

– Шоссе? Но там как будто нет домов.

– Не знаю. Не помню.

– Так, давай подытожим, что нам известно. Значит, она стала постепенно приходить все раньше, а уходить все позже, причем, если в начале она приходила около одиннадцати, а уходила в районе часа, то теперь она приходит в девять – начале десятого, а уходит в пять, так?

– Да.

– Выходит, ты никогда не видел ее днем, правильно?

Борис выглядел растерянным.

– Ну да. Выходит так.

Я задумался. Все это очень странно. Я чувствовал, что здесь не все чисто. Какие-то смутные догадки роились у меня в голове, но я никак не мог их ухватить.

– Так что ты обо всем этом можешь сказать? – голос Бориса вывел меня из задумчивости.

Я хотел было что-то ответить, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Когда Борис пошел в прихожую открывать, я остался сидеть в кресле и ждать. Сквозь матовые стекла дверей я видел моего друга беседующим с вошедшей женщиной. Рассмотреть ее как следует я, естественно, не мог, но я слышал в ее голосе недовольные интонации, казалось, она в чем-то упрекает Бориса, хотя слов я не разбирал. Борис, по-видимому, пытался ее

успокоить, его голос звучал мягко, уговаривающе, и постепенно он начал все более и более доминировать в разговоре, лишь изредка прерываясь короткими возбужденными женскими репликами. Я догадался, что речь идет обо мне – очевидно, Наташа не хотела, чтобы мы с ней встречались, и чтобы в доме был кто-нибудь посторонний. Конечно, нет ничего удивительного в том, что любящим хочется побыть вдвоем, однако, должна же она была понимать, что у Бориса могут быть и другие дела; в конце концов, у него есть друзья, и почему бы ему с ними не встретиться? Не думал же я, в самом деле, ночевать здесь, я собирался лишь немного посидеть и затем уйти. Такая бурная реакция удивила меня – обычно на подобные вещи смотрят совершенно спокойно, как на нечто само собой разумеющееся. Похоже, она и в самом деле решила окружить себя тайной. Я был заинтригован – мне безумно хотелось взглянуть на эту загадочную женщину, приходящую по ночам.

Судя по всему, Борису удалось, наконец, уговорить ее, дверь комнаты открылась, и я увидел перед собой высокую, стройную молодую женщину с короткой стрижкой. Как я заметил, волосы у нее были подкрашены в темно-каштановый цвет, а ее большие красивые карие глаза смотрели на меня с настороженностью и плохо скрытым недоверием. В них явно читалось желание, чтобы я поскорей убрался отсюда, но, несмотря на это, она улыбнулась и подала мне руку, представившись при этом:

– Наташа.

Я пожал протянутую мне руку, назвав свое имя:

– Владимир. Очень приятно.

Рука ее была крепкой, и рукопожатие получилось энергичным, почти что мужским.

– Ну, зачем же так официально? – продолжая натянуто улыбаться, сказала она. – Друзья Бориса – мои друзья.

Я внимательно посмотрел на нее, отчего она почувствовала себя явно неудобно. Только теперь, под светом люстры, я заметил, что волосы у нее местами какие-то вылинявшие. Такая интересная женщина – и так невнимательно, даже, пожалуй, небрежно относится к своему внешнему виду?

– Конечно, Наташа, – ответил я, – называйте меня Володей.

– Вот и чудесно, – сказал Борис, – теперь вы знакомы. Вы тут поговорите пока, а я пойду, сварю кофе.

– Да, хорошо. Мы здесь пока немного пообщаемся, – ответила Наташа, но очевидно было, что ей не очень-то по душе оставаться со мной тет-а-тет.

Она села напротив меня, и я смог рассмотреть ее более внимательно. Определенно, она была очень хороша собой, и все же было в ней что-то странное, что-то такое, что дисгармонировало со всем остальным, но я никак не мог определить, что же конкретно. Она сидела с отчужденным видом, и в какой-то момент мне показалось даже, что она не дышит – но, присмотревшись, я увидел, что ее грудь, прикрытая просвечивающим через полупрозрачную блузку белым лифчиком, слегка вздымается и опускается. Молчание становилось неловким, и я предложил ей коньяка, стоявшего, как всегда, у Бориса в баре. Сначала она отреагировала неопределенно, но затем, словно взвесив и обдумав что-то, согласилась.

– Только, пожалуйста, немного, – попросила она, – я почти не пью.

Я налил ей полрюмки «Хеннеси», а затем наполнил свою, только уже до краев. Я испытывал потребность выпить, чтобы обрести душевное равновесие – мне было малость не по себе. Как-то незаметно я стал чувствовать легкое подрагивание и покалывание во всем теле, особенно в конечностях, как если бы через меня пропускали слабый электрический ток. Похожие ощущения вызывает действие электростимулятора. В голове у меня словно что-то пульсировало, а левая рука начала постепенно неметь. Это очень напоминало то, что я однажды испытал в студенческом стройотряде, когда положил руку рядом с проводом электросварочного аппарата. Правда там лежал только один провод, но и этого было вполне достаточно. Из дурацкого юношеского любопытства и бравады я стал понемногу приближать к проводу руку, чувствуя, как усиливаются неприятные ощущения, а затем уже и настоящая боль.

Я поднял свою рюмку.

– Ваше здоровье, Наташа. Выпьем за знакомство.

Она вновь улыбнулась. Мне показалось, ее словно что-то позабавило в моих словах, хотя было совершенно непонятно, что бы это могло быть.

– Ваше здоровье, – ответила она и пригубила коньяк.

Я смотрел на нее поверх своей рюмки. У меня возникло впечатление, что она пробует этот напиток впервые. Заметив мой взгляд, она быстро опрокинула коньяк в рот, как будто желая доказать мне, что мое впечатление является ошибочным.

Тогда я тоже выпил, почувствовав, как коньяк медленно растекается по моим жилам вместе с волной глубокого, приятного тепла. Мне стало полегче.

– Борис много рассказывал мне о Вас, – начал я, – он говорит, что Вы – загадочная женщина.

– В самом деле? – в голосе Наташи слышались нотки беспокойства.

– Ну да, – продолжал я, – ему кажется, что Вы храните какую-то тайну.

– И он поручил Вам выяснить, что это за тайна?

Я понял, что допустил оплошность в самом начале. Это было непростительно для журналиста, но она буквально выводила меня из равновесия.

– Что Вы! Боже сохрани! Просто я люблю задавать вопросы. Ведь я журналист.

– Вот как? Наверное, это ужасно интересная профессия.

– Как когда. Иногда от нее хочется залезть на стену, но часто мне кажется, что без нее я не смог бы жить.

– Вы репортер?

– Нет. Давно уже нет. Теперь я главный редактор газеты, но конечно, когда-то я был и репортером. Без этого журналист состояться не может, я уверен.

– Вероятно, Вы правы. Вам видней.

– Да, наверное. Но чисто репортерский, да и вообще просто человеческий интерес ко всему вокруг у меня сохранился. В свое время мне приходилось брать немало интервью, и у меня выработалась чисто профессиональная привычка задавать вопросы, причем, порой они оказываются, возможно, не совсем тактичными. Может быть, именно поэтому нашего

брата – журналиста многие недолюбливают. Так что, если я допустил бестактность, прошу меня извинить. Я не хотел вмешиваться в Ваши личные дела.

– Ничего страшного, Володя, я совсем не обижаюсь.

– Вы должны понять: мы, то есть, журналисты часто копаемся в вещах, до которых нам как будто не должно быть никакого дела, но поверьте, далеко не всегда нами движет праздное любопытство. И нам всегда интересен человек, особенно если он не «одноклеточный».

– То есть? – Наташа насторожилась.

– Я имею в виду «неординарный», «не одноплановый», «не прямолинейно простой». У нас так говорят.

– А, понятно, – Наташа, как мне показалось, облегченно улыбнулась.

– Впервые слышу это слово в таком смысле.

– Эта наш журналистский жаргон. Да впрочем, и не только журналистский. Вообще таков подход у тех, для кого в центре внимания находится человек. Но это должна быть личность, а не примитив, у которого сразу все видно, как на ладони.

– Но у меня вовсе нет каких-то там тайн и всего такого. Просто я не хочу, чтобы Борис знал, где я живу, по крайней мере, пока.

– Наташа, я и в мыслях не имел...

– Не стоит, Володя, – перебила меня она, – Борис Вам наверняка рассказал. Поймите, у меня просто есть причины семейного характера.

Она немного помолчала.

– Может быть, со временем это изменится, – добавила она, – а то, что я прихожу только ночью... Видите ли, у меня попросту нет другого времени. Если Вы друг Бориса, Вы не должны ему мешать.

– Бог с Вами, неужели я...

– Подождите, – вновь прервала меня Наташа. – Я понимаю, что Борис пригласил Вас сюда не спроста – он хотел, чтобы Вы посмотрели на меня, не так ли? Возможно, что-то во мне может показаться Вам странным или необычным, но Вы должны знать – я люблю его.

– Хорошо, – ответил я, – я не собираюсь подвергать это сомнению, да это и не мое дело. Но раз Вы любите Бориса, то я как его старый друг должен обратить Ваше внимание на то, что он в последнее время чувствует себя не очень хорошо. Он говорит, что у него развилась слабость, быстрая утомляемость и тому подобное, хотя раньше он на такие вещи почти никогда не жаловался.

Наташа встревожено посмотрела на меня. В ее глазах мелькнуло какое-то странное выражение, но это было мимолетно.

– Он мне этого не говорил, – сказала она.

– Естественно, – ответил я, – он не хочет Вас тревожить. Поэтому я говорю Вам об этом.

– Спасибо. Теперь я буду знать это.

– Он говорит, что проходил медицинский осмотр, но возможно, ему надо обследоваться более основательно. Вы не медик?

– Нет, я по образованию филолог.

– Выходит, почти коллеги?

– Да, пожалуй.

– Если не секрет, какая у Вас специальность?

– Русский язык и литература.

– Ну, совсем близко! Вы работаете в школе?

– Работала когда-то, но это было давно, пять лет тому назад.

Она задумалась. Мне показалось, что она испытывает досаду. А может, я ошибаюсь?

В этот момент вошел Борис, держа в руках поднос, на котором стояла большая дымящаяся турка и три чашки.

– О, я вижу, вы уже потягиваете коньячок! Ты же говорила, что не пьешь.

– Мне было неудобно отказать. К тому же коньяк был очень вкусный.

– Вкусный? Ммм, ну хорошо. Ты мне смотри, не спаивай мою Наташку, – Борис посмотрел на меня.

– Будет тебе, – ответил я, – она выпила всего полрюмки.

– Да, кстати, Вовунчик, может быть, ты хочешь немного перекусить?

– Не знаю, но почему ты предлагаешь только мне? Разве Наташа не голодна?

– Наташка у нас вообще никогда ничего не ест – говорит, что сыта.

Я удивился. Что-то уж очень много странностей. У меня снова возникло нехорошее предчувствие.

Внезапно я ощутил легкую тошноту. Должно быть, я в самом деле переутомился, что и неудивительно – день был страшно тяжелый. Надо ехать домой и отдохнуть.

– Ну, тогда я тоже не буду, – сказал я, – уже поздно, я жутко устал, и мне пора ехать. Прошу меня извинить.

Я встал.

– Тем более что тянуться мне к черту на кулички. Ко мне пока доберешься, все на свете проклянешь, не то, что у вас, на Летней, – я повернулся к Наташе, – совсем не далеко. И главное, чудный район – зелень, чистый воздух. Разве только, кладбище почти что под окнами. Такое соседство, наверное, не очень приятно?

Наташа напряженно смотрела на меня. В глазах у нее появилось какое-то новое выражение – его было трудно сразу определить, но оно мне не понравилось.

– Нет, ничего, – наконец ответила она. – Покойники ведь не разгуливают по улицам и не нападают на прохожих, не так ли?

– Конечно, – ответил я с напускной небрежностью, хотя на душе у меня кошки скребли, – опасаться следует живых, это верно. Спокойной ночи. Надеюсь, мы еще увидимся.

– Спокойной ночи, – довольно холодно ответила Наташа.

Я направился к двери.

– Я тебя провожу, – сказал Борис, и мы вышли в прихожую, затворив за собой дверь комнаты.

– Ну что? – спросил он, когда мы оказались вдвоем.

– В каком смысле?

– Как в каком? Ну, Наташа?

Я в нерешительности провел рукой по волосам, как я всегда делал, когда не мог ответить что-либо определенное.

– Вот что, старина, – наконец сказал я, – это все не сформулируешь в нескольких фразах, к тому же мне самому еще надо подумать, разобраться. И потом, здесь не место, да и не время. Давай, я позвоню тебе на днях, и мы встретимся где-нибудь в городе, идет?

– Ну, хорошо, – согласился он. – Я буду ждать звонка. Но все-таки, хотя бы общее впечатление.

Впечатление у меня было явно неблагоприятное, но ничем определенным, таким, что я мог бы привести в подкрепление его, я не располагал. Мне не хотелось задевать Бориса, так как я знал по опыту, что любимая женщина затмевает для человека все и вся на свете, и он мог принять мою нелестную оценку в штыки и даже всерьез обидеться, поэтому я ответил уклончиво:

– Она, безусловно, очень необычный человек, и не скрою, что некоторые моменты настроения раживают меня, но я вижу, что ты любишь ее, и мне хотелось бы воздержаться от необдуманных, скоропалительных оценок. Я обмозгую все, как следует, и сформулирую свои соображения. Но прежде всего я хочу задать тебе один вопрос.

– Да?

– Скажи мне, только откровенно, и хорошо подумай, прежде чем отвечать: ты действительно хочешь знать мое настоящее мнение, каково бы оно ни было? И не получится ли так, что ты воспримешь его, как обиду?

– Что за дурацкие вопросы?

– Нет, погоди, они вовсе не дурацкие. Мне важно это знать. Я желаю тебе только добра, и я хочу тебе содействовать, но я не хочу быть неправильно понятым. Поэтому я повторяю: ты действительно хочешь знать мое настоящее, объективное мнение?

– Да, я хочу знать твое объективное мнение. Именно поэтому я тебя и позвал.

– Хорошо. Тогда я поразмыслю над этим дома, в спокойной обстановке и позвоню тебе.

Договорились?

– Ладно. Звони. Счастливо.

– Счастливо, – ответил я, и мы пожали друг другу руки на прощание.

Глава III. Дни становятся короче

Когда я открыл дверь своей квартиры, мой кот Григорий уже сидел в прихожей и ожидал меня. Как только я вошел, он принялся расхаживать вокруг, заходя то справа, то слева, и тереться о мои ноги. Это было большое, красивое животное, упитанное, с мощной мускулатурой, красивой белой «манишкой» на груди и такими же белыми «перчатками» на всех четырех лапах. Я нагнулся и погладил бархатистую шерсть. Григорий довольно заурчал – целый день он сидел в одиночестве и теперь был счастлив моему приходу.

Кошек я любил всегда. Они нравились мне, сколько я себя помню.

Меня восхищает их изысканная грация, совершенство пластики, точность координации. Меня поражает, например, как Григорий перешагивает через препятствие задними лапами. Передними – я понимаю. Но откуда он знает, куда ставить задние лапы – ведь он не видит! И, однако же, не только ставит их абсолютно точно, но и поднимает их именно на нужную высоту, как раз необходимую для того, чтобы перешагнуть.

Еще то зрелище, когда Григорий разворачивается всей своей почти десятикилограммовой тушей на узком подоконнике в кухне! Как он умудряется с такой филигранной точностью управлять своим грузным на вид телом – это надо видеть! А еще прыжки! Это просто феноменально, как этот здоровенный котяра взвивается в воздух, выталкивая свое тело без видимых усилий. Я с трудом поверил своим глазам, когда он как-то раз одним движением взлетел с пола на высокий холодильник. Все эти прыгуны в высоту со всей их техникой и прочими прибабасами ему в подметки не годятся! А он без всякой техники, без всяких тренировок проделывает эти трюки играючи, без напряжения. И эти роскошные зеленые глаза, отражающие свет, как рефлекторы, почище любых катафотов.

Но главное в этих «тиграх асфальтированных джунглей» все же не это. Самое важное и ценное – это поразительное свободолюбие, настоящий инстинкт свободы, заложенный в этих обаятельных зверьках. Кошку невозможно заставить, принудить, подчинить, выдрессировать – она всегда делает только то, что сама хочет. Кошку можно убить, но нельзя поработить. Недаром же, хотя об этом мало кто знает, на знаменах повстанцев Спартака была изображена именно кошка – давний символ свободы.

Как раз это восхищает меня более всего – внутренняя свобода, независимость, самодостаточность и, конечно, чувство собственного достоинства, столь присущее «усатым – полосатым». Я чувствую духовное родство с этими мини-тиграми, потому что в моей шкале ценностей именно свобода и достоинство занимают первое место. Я не терплю подчиняться сам и не жду подчинения от других, мне не нужно преданно смотреть в глаза. Мне не нужны рабы, или хотя бы слуги. Мне нужны равноправные партнеры. Молчалин говорил: «Служить бы рад. Прислуживаться тошно»¹. Я бы развил его мысль: и служить-то тошно, а уж прислуживаться...

И я Григорию – не хозяин. Вернее сказать, что мы друзья. Да-да, именно друзья! Ведь дружба может быть только между равными. И поэтому я – «кошатник».

Я взял пушистого зверька на руки – приятное, успокаивающее тепло стало разливаться по телу. Я почувствовал, как буквально заряжаюсь энергией, словно от аккумулятора. Отвратительное покалывание, которое не прекращалось все время, пока я добирался домой, начало слабеть и через пару минут совсем прошло, также как и онемение в левой руке, но чувство тошноты осталось. Опустив Григория на пол, я направился в кухню – кот помчался передо

¹ А.С.Грибоедов, «Горе от ума». (Здесь и далее примечания редактора).

мною, давая понять, что он хочет есть. Покормив его, я решил сначала принять душ, а затем перекусить.

Освежившись и окончательно придя в себя, я приготовил себе несколько бутербродов и сварил кофе, которого я, кстати, так и не попробовал у Бориса. Я тщательно, как меня учили, пережевывал хлеб с сыром, пытаюсь сосредоточиться и сделать какие-то выводы. Что я видел? Чему я был свидетелем? Есть ли во всем этом что-либо тревожное или же все в порядке вещей?

Поев, я пошел в комнату и уселся за письменный стол. Отставив в сторону пишущую машинку – уже не новый, но по-прежнему надежный «Унис» – я взял стопку чистых листов бумаги и положил ее перед собой. Я решил проанализировать все методически, подробным образом, по возможности ничего не упуская. Достав из карандашницы несколько разноцветных фломастеров, я положил их справа от себя. Немного подумав, я написал наверху листа крупными буквами: АНАЛИЗ – обычным синим фломастером – и подчеркнул. Итак, чем я располагал? В чем заключались, прежде всего, странности, связанные со всем этим делом?

Конечно, самое характерное – это то, что Наташа приходила всегда только ночью. Я взял красный фломастер и поставил цифру 1, а затем написал: «Приходит только ночью. Борис никогда не видел ее днем». После этого я задумался. В самом деле, почему только в темное время суток? Сама она сказала, что у нее попросту нет другого времени, но так ли это? Мне это представлялось малоубедительным. Неужели за два месяца ее знакомства с Борисом, она все время была так занята, что ни разу не смогла освободиться пораньше, тем более что, по словам Бориса, они встречались почти каждый день? Вернее, конечно, каждую ночь. Кстати, почему *почти* каждую? Были ли на это какие-либо определенные причины? Об этом, я не успел, к сожалению, спросить. Так или иначе, она никогда не появлялась днем. Объяснить это простой случайностью, совпадением было все равно, что допустить, будто обезьяна, произвольно ударяя по клавишам пишущей машинки, может напечатать девяностый сонет Шекспира. Нет, это была не случайность, а необходимость. К тому же, время ее пребывания у Бориса медленно, но постоянно возрастало.

И тут у меня мелькнула догадка: может быть, это связано с продолжительностью светового дня? Я пододвинул к себе перекидной календарь. Насколько я помнил, они встретились впервые два месяца назад, то есть, в начале июля. Допустим, числа пятого. Может, конечно, и не пятого, но это было несущественно. Я открыл соответствующую страницу календаря и прочел: «Восход»: 4:45, «Заход»: 21:43. Ночи в это время очень короткие. Она приходила сначала в районе одиннадцати, то есть, тогда, когда даже в начале июля было уже давно темно, а уходила, не дожидаясь утра, около часа, несмотря на то, что городской транспорт уже не работал. Я не мог отделаться от мысли, что она хотела поспеть куда-то до рассвета – ведь он был тогда ужасно рано. А со временем, по мере того, как ночь удлинялась, у нее становилось все больше и больше времени. Я вспомнил, как Борис говорил, что она чувствует себя все увереннее. Не связано ли это с удлинением темного периода суток? По-видимому, эта тенденция будет продолжаться. Скоро, уже в конце сентября, ночь сравняется с днем, а потом она будет становиться еще длиннее. К чему это приведет? Ответить на этот вопрос определенно было невозможно, но вряд ли для Бориса это была отрадная перспектива. Я интуитивно чувствовал, что ему грозила опасность. От кого она исходит? От Наташи? А может быть, наоборот, она пытается его охранить, ведь сказала же она, что любит его. Все здесь было как-то смутно, зыбко, построено на одних догадках. Может статься, что все мои предположения ошибочны, но все-таки мне казалось, что связь со временем суток тут прослеживается. Возможно, Наташа, действительно занимается какой-то противозаконной деятельностью. Но это было только допущение, ничем не подкрепленное и ни на чем, в сущности, не основанное. Характер ее занятий по-прежнему представлял собой загадку.

Еще одним важным моментом было то, что она не позволяла себя провожать. Она предпочитала добираться домой сама, а, кроме того, и приезжала к Борису тоже самостоятельно,

не желая встречаться с ним где-либо в городе. О чем это может говорить? Сама она объяснила это семейными обстоятельствами. По-моему, в этом нет ничего невозможного – личные и семейные обстоятельства нередко складываются самым неожиданным и причудливым образом. Вполне может оказаться, что дома у нее есть нечто такое, чего она крайне не хотела бы показывать кому бы то ни было, тем более, человеку, которого она, по ее словам, любила. Я вспомнил одного своего университетского друга – он тоже все никак не хотел допустить, чтобы я зашел к нему, ища и находя любые предлоги, объясняющие невозможность моего прихода. В конце концов, выяснилось, что его мать – алкоголичка и часто уходит в запой. Что-нибудь в этом роде могло быть и у Наташи.

Это было не исключено, но все же это не могло объяснить всего. К тому же, она не хотела встречаться с ним в городе. Значит, она не только не желала, чтобы Борис знал, куда она уезжает после пребывания у него, но и откуда она приезжает тоже. Все-таки, не чересчур ли тут много тайн? И потом, у меня не выходила из головы история о том, как Борис пытался ее проводить. Почему она вообще позволила ему ехать? Проявила слабость? Не смогла устоять? Я хорошо знал Бориса – когда ему что-нибудь взбредет в голову, он бывает упрям, как бык, и его трудно остановить. Вероятнее всего, она сразу поставила условие, чтобы он не вылезал из такси, но он, конечно, и не думал его выполнять – это было очень похоже на него. Он всегда действовал с женщинами подобным образом – по нахалке. Однако тут он встретил, по-видимому, такой бешеный отпор, что вынужден был уступить и вернуться в машину. Она же побежала. Почему? Просто хотела от него оторваться или на это были еще какие-то причины?

Я задумался – это было утром, не так ли? Было еще темно, но рассвет, по-видимому, был уже близок. Не этим ли объяснялась ее спешка и ее раздражение? Мысль о том, что ее странное поведение может оказаться связанным с суточным циклом, не оставляла меня. Может быть, она не хотела, чтобы кто-то видел ее приходящей домой, и поэтому она спешила вернуться, пока все еще спали? Но если это так, то получалось, что она скрывается, а стало быть, мое предположение о ее неладах с законом получало, как будто, некоторое подтверждение, но, конечно, это еще ничего не доказывало.

И тут я вспомнил, что она побежала в сторону шоссе – так сказал Борис. Мне казалось, что в той стороне нет домов, но может быть, я ошибаюсь? Я взял карту города и нашел интересующий меня район – я оказался прав – улица Летняя была в этом месте застроена только с одной стороны, а именно – противоположной шоссе. В той же стороне, куда она побежала, не было ничего, кроме Восточного кладбища. Не на кладбище же она направлялась, в самом деле! Может, кто-то ожидал ее на шоссе? Я рассматривал карту, и внезапно в памяти у меня всплыла утренняя «летучка» и дурацкие рассказы Майка о призраках. Опять Восточное кладбище! Я сталкивался с ним уже второй раз за день. Может быть, кто-нибудь действительно обделывает там какие-то темные делишки? Но что там можно делать? Раскапывать могилы? Надо поговорить завтра с Майком. Может оказаться, что за этими рассказами скрывается какая-то криминальная история. Не побеспокоить ли мне Павла – моего давнего друга, который работает в уголовном розыске? Однако, пока обращаться к нему было глупо и смешно – у меня не было ничего, кроме смутных и не вызывающих доверия пьяных рассказов сторожа и непонятного поведения Наташи. Между прочим, она сказала, что может быть, «со временем это изменится!». Что она имела в виду? Что через некоторое время ей уже не надо будет скрываться? Этот вопрос тоже оставался без ответа. Пока же я пометил красным фломастером: «2.) Не хочет, чтобы ее встречали и провожали. Возможно, скрывается».

Я откинулся на спинку стула и потянулся. После этого я встал и несколько раз прошелся по комнате. Дома было уютно и тепло, а на улице бушевала гроза. Сполохи молний то и дело прорезали темноту за окном. Григорий, свернувшись калачиком и уткнув физиономию в живот, спал на кресле. Выдвинув ящик стола, я достал оттуда початую пачку «Бонда» и закурил. Не знаю, как кому, но мне сигарета всегда помогает сосредоточиться. Я прокру-

тил в памяти разговор с Наташей и вспомнил еще одну странность: как она пила коньяк – словно впервые в жизни. Неужели она никогда его не пробовала? А потом, видя, что я за ней наблюдаю, как будто спохватилась и выпила его одним глотком, даже не поперхнувшись. И это человек, который никогда до этого не пил коньяк? Само по себе, это может быть, не представляло из себя ничего особенного, но, становясь в ряд со всеми другими странностями, навело на всякие мысли. Например, у меня создалось впечатление, что она словно играет роль, выдавая себя не за того, кем она является на самом деле. Я почувствовал, что мне необходимо посоветоваться и решил позвонить своему школьному другу Гене. На часах было почти одиннадцать, но я знал, что он в такое время не спит.

* * *

С Геной мы когда-то учились в одном классе и с тех пор продолжали поддерживать тесные отношения. В моей жизни он был совершенно незаменим. В отличие от меня, гуманитария, это был «технар», первокурсник инженер и, кроме того, мастер на все руки – много раз он помогал мне справиться с моими проблемами – сам я, пожалуй, не смог бы толком починить даже утюг. Но главное, это был человек с трезвым умом и рассудительностью, а именно это мне сейчас и требовалось.

Я снял трубку и набрал его номер. К телефону долго не подходили, и я начал уже было опасаться, что его нет дома, что, вообще говоря, было странно, но вот, наконец, послышался характерный щелчок, и знакомый голос произнес:

- Аллю.
- Аллю, Гена?
- А, Володя, привет. Подожди, я сейчас закрою дверь.

Сакраментальная формула, с которой всегда начинались наши телефонные разговоры. Это было настолько привычным, что на меня сразу же повеяло надежностью и уверенностью.

- Я слушаю тебя, – вновь раздалось в трубке.
- Вот что, Гена. Я тут хочу посоветоваться насчет одного дела.
- Пожалуйста.

Я замялся, не зная, с чего начать.

- Что-нибудь щекотливое? – спросил он.
- Не то, чтобы щекотливое, но очень странное, а может быть, и опасное.
- Опасное? Ты меня пугаешь. Что у тебя стряслось?
- Собственно, это не у меня, а у Бориса. Он обратился ко мне за советом. Я тут малость помозговал, но чувствую, что одному мне в этом не разобраться.
- Какой-нибудь криминал?
- Нет. Вернее не знаю. Может быть. Я лучше расскажу тебе всё по порядку.
- Ну, давай.

И я рассказал ему, в общих чертах, то, что мне было известно.

- Так, – сказал он, когда я закончил. – И что он хочет узнать?
- Кто, Борис?
- Ну да. Что он хочет? Узнать, кто она такая и где живет?

– Скорее, кто она такая. Должен тебе сказать, что дело тут не только в Борисе. Я сам заинтересовался этим, все-таки, я журналист. Кстати, ты слышал что-нибудь о призраках, которых якобы видели на Восточном кладбище?

– Честно говоря, нет. И кто их видел?

– Якобы кладбищенский сторож. Мне об этом рассказывал Майк, наш шеф отдела происшествий. В следующем номере мы, вероятно, дадим его материал на эту тему.

– Мне это ничего не говорит. Ты что, считаешь, что это как-то связано с твоей историей?

– Я не знаю, но все возможно. В обоих случаях фигурирует Восточное кладбище. Может быть, кто-то занимается там темными махинациями?

– Где? На кладбище? Что там можно делать? Раскапывать могилы и грабить покойников? Но ведь это смешно. У нас на этом не обогатишься. Или они продают скелеты в качестве анатомических пособий?

– Откровенно говоря, мне не смешно. Я не представляю, чем там можно заниматься, и не далее, как сегодняшним утром я точно также иронизировал над Майком. Но теперь мне почему-то кажется, что все это может оказаться гораздо серьезнее.

Гена помолчал.

– Ну, хорошо, – сказал он наконец. – В жизни иногда действительно случаются странные вещи. Попробуем разобраться. То, что она приходит только по ночам и то, что она не хочет, чтобы Борис ее встречал и провожал – это ерунда. Это ни о чем не говорит. На это может быть сотня причин. Мало ли какие у нее обстоятельства? То же и возраст. Женщины часто сбрасывают себе возраст, даже непроизвольно, им всегда кажется, что они моложе, чем есть на самом деле – я сам знаю такие случаи. А спутаться, сколько лет прошло со времени окончания института, это вообще проще простого. Тут всякий может ошибиться даже не на один, а скажем, на два года. Это все в порядке вещей. Меня больше интересуют твои наблюдения над ней. Ты говорил, тебе показалось, что она не знала, как относиться к коньяку, а потом, якобы разом опрокинула рюмку без всяких проблем?

– Да. Я смотрел на нее. Когда она это заметила, она поспешно выпила, как будто спохватилась.

– Все это, конечно, очень любопытно. Может, она и в самом деле играет какую-то роль, хотя это тоже ни о чем особенном не говорит. Но может быть, ты испытывал, когда говорил с ней, какие-нибудь необычные ощущения?

Боже! Как я мог забыть? Ведь я действительно испытывал покалывание во всем теле и онемение левой руки, а, кроме того, еще и тошноту, которая, кстати, как будто уже прошла.

– Я действительно чувствовал покалывание, как от слабого тока, – сказал я, – а левая рука у меня начала неметь, она стала все равно, как не моя. А потом меня начало подташнивать. Удивляюсь, как я об этом позабыл, но почему ты спрашиваешь? У тебя есть какие-то предположения?

– Вот видишь, – ответил Гена, – это более интересно, и, наверное, более серьезно. Ты никогда не встречал энергетических вампиров?

– Вампиров? – изумился я.

– Энергетических, – уточнил Гена. – Это люди, которые словно бы выпивают у тебя энергию. Так они вроде люди как люди, но стоит побыть с ними в одном помещении хотя бы несколько минут, как чувствуешь, что из тебя буквально выжимают все силы. А когда они уходят, то сразу хочется сбросить это с себя – например, подержаться за что-нибудь, а лучше за кого-нибудь. Я с такими сталкивался.

- Черт возьми, – сказал я, – похоже, что ты прав. Стоило мне подержать на руках Гришу, как все постепенно прошло. А всю дорогу, пока я ехал домой, это продолжалось.
- Кошка – это вообще оптимальный вариант. Лучше ничего не придумаешь.
- Но, кроме того, у меня было еще и ощущение тошноты.
- Ну, не знаю. Может быть, возможна и такая реакция.

Наконец-то, хотя бы какая-то зацепка.

- И как это все объясняется? – спросил я.
- Общепринятого объяснения нет. Есть всякие гипотезы.
- Ну, хорошо. Как лично ты склонен это объяснять?
- Я думаю, это связано с электромагнитными полями. Ведь каждый объект, в том числе и человек, излучает электромагнитные волны различной длины. Кроме того, в человеческом теле возбуждаются ионные токи, скажем, при прохождении нервных импульсов. Правда, они слабые, но все равно они генерируют магнитное поле – тоже слабое, конечно. Таким образом, вокруг человека образуется своеобразная аура из силовых полей.
- Ты сказал «полей», во множественном числе?
- Да, возможно, существуют и какие-то поля иной, не электромагнитной природы. Здесь пока ещё много неясного.
- Я кое-что слышал об этом. Но как может работать этот самый «механизм энергетического вампиризма»?
- Вероятно, «энергетические вампиры» в состоянии генерировать значительно более мощные поля, чем обычные люди. Причем, возможно, что вообще не электромагнитные, а может, и электромагнитные тоже. Такое достаточно сильное поле, охватывая какой-либо объект, также обладающий полем, поглощает его поле, и, естественно, энергию этого поля.
- Но в таком случае, очевидно, они должны «подпитываться» не только от других людей, но и от работающей радиоаппаратуры, например?
- Возможно. Но вероятнее всего, они могут поглощать энергию только из поля, которое генерируется человеком или вообще каким-нибудь живым существом.
- Ты полагаешь, Наташа может оказаться именно таким энергетическим вампиром?
- Очень похоже на то. Ты, очевидно, тоже испытал на себе это воздействие, потерял энергию, кстати, может быть, как раз с этим и связано чувство тошноты. Оно нередко возникает от слабости. А когда ты взял в руки кота, то как бы напился энергией от него и восстановил силы.
- Выходит, я тоже действовал как «вампир»?
- Выходит, так. Видимо, поле человека значительно сильнее, чем у кошки, что в общем-то и понятно, так что в отношении кошек мы все или почти все можем выступать как «энергетические вампиры».
- Хорошо, Гена. Я понял в общих чертах.
- Если тебя интересует более подробная информация, мы можем встретиться, обговорить это. Кстати, мы вообще давно не виделись, так что это не было бы лишним.
- Да, ты прав, дружище. Я позвоню тебе на днях, и мы состыкуемся на этой неделе, может быть, в субботу.
- Хорошо. Созвонимся. А если что, ты же знаешь. Я всегда...
- Послушай, Гена. А как с этим можно бороться? И как вообще это можно точно установить?
- Трудно сказать. Ведь тут все на уровне гипотез. Но я поразмышляю над этим.

– Это было бы неплохо. Ну, не буду больше дурить тебе голову. Время позднее. Спасибо за консультацию. Теперь у меня есть хоть какой-то проблеск во всем этом тумане. Я позвоню тебе.

– Не за что благодарить. Я жду твоего звонка.

– Да, конечно. Пока.

– Пока.

Я довольно долго в раздумье сидел за столом. Появилась ли какая-то определенность, вернее, намек на определенность или я на ложном пути? А если все это в самом деле так и обстоит? Делает ли это Наташа сознательно или это происходит помимо ее воли, и она даже не ведает об этом? Может быть, именно этим объясняется ухудшение самочувствия Бориса? Я вспомнил выражение лица Наташи, когда я рассказал ей о том, что Борис в последнее время недомогает: в ее глазах была тревога, и это естественно. Но было что-то еще. Что-то трудно уловимое, но такое, что мне не понравилось. Что это было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.